

УДК: 330.1.106:316

Классическая методология анализа феномена экономического поведения

О. В. Кобяк, кандидат социологических наук, доцент

Теории социального действия М. Вебера, механизма общественной координации А. Смита, потребительского поведения Т. Веблена и хозяйственного духа В. Зомбарта рассмотрены как методологические инструменты анализа феномена экономического поведения. Определены базовые принципы построения теоретической типологии индивидуального экономического поведения.

Classical Methodology of Economic Behavior Analysis

O. Kobyak, PhD in Sociology, Associate Professor

The theories of social action by M. Weber, of the mechanism of public coordination by A. Smith, of consumer behavior by T. Veblen and of economic spirit by W. Sombart are considered as methodological tools for analyzing the phenomenon of economic behavior. The work defines the basic principles of building a theoretical typology of individual economic behavior.

В области исследований экономического поведения человека как индивидуального хозяйствующего субъекта, погруженного в систему социальных связей и отношений, в качестве одного из широко используемых методологических инструментов анализа выступает концепция социального действия немецкого экономического историка и социолога М. Вебера, в которой он определяет значение понятия «социальное действие» и прослеживает его взаимосвязь с поведением человека. «“Действием” мы называем действие человека (независимо от того, носит ли оно внешний или внутренний характер, сводится ли к невмешательству или терпеливому принятию), если и поскольку действующий индивид или индивиды связывают с ним субъективный смысл. “Социальным” мы называем такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действиями других людей и ориентируется на него» [1, с. 602–603]. Осмысленность действий, на которой акцентирует внимание М. Вебер, имеет важное значение, когда мы пытаемся описать и объяснить активность человека в мире хозяйства, где он оперирует широким спектром конкретных благ. Вместе с тем, подобное качество (осмысленность) действий приводит к некоторым затруднениям в определении взаимосвязи таких действий и поведения человека. «Граница, – полагает М. Вебер, – между осмысленным действием и поведением чисто реактивным (назовем его так), не связанным с субъективно предполагаемым смыслом, не может быть точно проведена. Значительная часть социологически релевантного действия, особенно чисто традиционного по своему характеру, находится на границе

того и другого» [1, с. 602]. Размытость границы, считает М. Вебер, порождает когнитивную проблему, связанную с тем, что «высочайшие «цели» и «ценности», на которые, как показывает опыт, может быть ориентировано поведение человека, мы часто полностью понять не можем, хотя в ряде случаев способны постигнуть его интеллектуально...если и это оказывается невозможным, просто принять их как данность и попытаться по возможности понять мотивированное ими поведение посредством интеллектуальной интерпретации или приближенного сопереживания» [1, с. 604–605]. Разрешение данной проблемы М. Вебер видит в том, чтобы «все иррациональные, эмоционально обусловленные смысловые связи, определяющие отношение индивида к окружающему и влияющие на его поведение... изучать и изображать в качестве “отклонений” от чисто целерационального сконструированного действия. Например, для объяснения “биржевой паники” целесообразно сначала установить, каким было бы рассматриваемое поведение без влияния иррациональных аффектов, а затем ввести эти иррациональные компоненты в качестве “помех”» [1, с. 605].

Предложенный подход вызывает определенные сомнения. Во-первых, у нас нет никакой возможности установить, каким *действительно было бы* рассматриваемое поведение в данной ситуации без влияния иррациональных аффектов. Во-вторых, даже если бы мы сконструировали посредством интеллектуальной интерпретации подобную мыслительную модель, то она вряд ли смогла бы помочь нам объяснить реальное поведение участников этого взаимодействия (даже с учетом «помех»). Мы бы попали в ситуацию, аналогичную той,

когда при разработке проекта здания для сейсмически опасного региона мы вначале разрабатываем документацию применительно к идеальным, безопасным условиям, а затем пытаемся доработать проект с учетом реальных «помех». Вряд ли из этого вышел бы толк. «Эти иррациональные компоненты» следует вводить в модель не в качестве «помех», а полноправных, реально действующих факторов, без которых данная модель существенно утрачивает свои объяснительные возможности, а значит – снижается ее ценность. Песчинка, попавшая в мягкие ткани моллюска, тоже может рассматриваться как «помеха», но ведь именно благодаря ей с течением времени рождается прекрасная жемчужина.

Выход, на наш взгляд, здесь состоит не в поиске «границ» между действием и поведением индивида, а в нахождении взаимосвязи этих феноменов и определении поведения через категорию действия. Тем более, что сам М. Вебер, представляя свою известную типологию социального действия, использует оба этих понятия: «Социальное действие, подобно любому другому поведению (выделено мной. – Авт.), может быть: 1) *целерациональным*, если в основе его лежит ожидание определенного поведения предметов внешнего мира и других людей и использование этого оживания в качестве «условий» или «средств» для достижения своей рационально поставленной и продуманной цели; 2) *ценностно-рациональным*, основанном на вере в безусловную – эстетическую, религиозную или любую другую – самодовлеющую ценность определенного поведения как такового, независимо от того, к чему оно приведет; 3) *аффективным*, прежде всего эмоциональным, то есть обусловленным аффектами или эмоциональным состоянием индивида; 4) *традиционным*, то есть основанном на длительной привычке» [1, с. 628].

Налицо некоторое смешение понятий, которое, на наш взгляд, можно наилучшим образом устранить, если определить *поведение индивида* как *форму выражения его социальных действий*. Ведь именно действия как отдельные проявления внешней активности индивида, будучи упорядоченными в целостную структуру, определяют конкретную модель поведения, которая может быть в более или менее «чистом» виде встроена в предложенную выше типологию. Различные действия как бы наполняют поведение индивида, обуславливая его большую или меньшую осмысленность, ту или иную степень рациональности или эмоциональности. Кстати, здесь стоит отдать должное интуиции белорусского языка, в котором слово поведение имеет ярко выраженное множественное число – *паводзіны*, подчеркивая тем самым собирательный образ этого феномена.

Для определения методологических рамок феномена экономического поведения индивида важно подчеркнуть два положения концепции М. Вебера: *Во-первых*, «хозяйствование (отдельного индивида) социально только тогда и постольку, если и постольку оно принимает во внимание поведение других... если в таком хозяйствовании отражено признание третьими лицами фактических прав данного индивида распоряжаться своим хозяйством по своему усмотрению... в таком хозяйствовании при потреблении принимается во внимание также и будущая потребность третьих лиц, и “запасы” отчасти ориентируются на это... если при производстве продуктов в основу ориентации положен предполагаемый спрос на них третьих лиц в будущем» [1, с. 625].

Во-вторых, «“поведение” в качестве понятной по своему смыслу ориентации собственных действий всегда являет для нас действие одного или нескольких отдельных лиц» [1, с. 613]. Итак, в первом приближении, экономическое поведение индивида мы понимаем как особый тип «социального» поведения, «которое по предполагаемому (выделено мной. – Авт.) действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него» [1, с. 603].

Выявляя специфику экономического поведения, М. Вебер подчеркивает, что многочисленные бросающиеся в глаза проявления единообразия в этом поведении «объясняются отнюдь не ориентацией на какую-либо считающуюся “значимой” норму, но и не обычаем, а просто тем фактом, что данный тип социального поведения, по существу, больше всего в среднем соответствует, по субъективной оценке индивидов, их естественным интересам и что на эти взгляды и знания они ориентируют свое поведение» [1, с. 634–635]. Данный тезис М. Вебера гармонично встраивается в концепцию механизма общественной координации английского экономиста и философа А. Смита, который полагал, что в основе этого механизма лежит индивидуальное стремление к благополучию, а также присущее индивидам желание добиться более высокого положения в обществе. «Собственный интерес каждого человека заставит его искать выгодного и избегать невыгодного занятия» [2, с. 163].

В условиях рыночной экономики, полагает А. Смит, «пять следующих главных условий... компенсируют малый денежный заработок в одних занятиях и уравнивают большой заработок в других: 1) приятность или неприятность самих занятий, 2) легкость и дешевизна или трудность и дороговизна обучения им, 3) постоянство или непостоянство занятий, 4) большее или меньшее доверие, оказываемое тем лицам, которые зани-

маются ими, и 5) вероятность или невероятность успеха в них» [2, с. 164]. Данные условия определяют баланс действительных или воображаемых индивидом выгод и издержек и обуславливают его выбор модели экономического поведения: «...денежная заработная плата и прибыль повсюду в Европе чрезвычайно различны для различных применений труда и капитала. Но это различие зависит частью от некоторых условий, которые присущи самим этим различным отраслям и которые в действительности *или только в воображении людей* (выделено мной. – Авт.) компенсируют малую денежную выгоду в одних и уравнивают большую выгоду в других» [2, с. 164].

Ключевыми понятиями, определяющими в русле концепции А. Смита специфику экономического поведения индивида, являются: *оценка* условий занятости, *выбор* конкретного занятия как способа зарабатывания денег (т. е. выбор определенной модели экономического поведения) и *ожидание* от других участников хозяйственного взаимодействия соответствующих (комплементарных) моделей их экономического поведения. «Когда сооружается какая-нибудь дорогая машина, обыкновенно рассчитывают, что большое количество работы, которое она выполнит, пока не износится, возместит капитал, затраченный на нее по меньшей мере с обычной прибылью. Человек, изучивший с затратой большого труда и продолжительного времени какую-либо из тех профессий, которые требуют чрезвычайной ловкости и искусства, может быть сравнен с такою же дорогою машиною. Следует *ожидать* (выделено мной. – Авт.), что труд, которому он обучается, возместит ему, сверх обычной заработной платы за простой труд, все расходы, затраченные на обучение, с обычной по меньшей мере прибылью на капитал, равный этой сумме расходов. И это должно быть осуществлено в не слишком продолжительный промежуток времени, поскольку человеческая жизнь имеет весьма неопределенную продолжительность, как это рассчитывается применительно к более определенному сроку работы машины. На этом основано различие между заработной платой квалифицированного труда и труда обычного» [2, с. 165].

Будучи наблюдательным человеком и глубоким исследователем, А. Смит, объясняя закономерности возникновения тех или иных моделей экономического поведения, неизбежно выходит за установленные им самим методологические границы. Наряду с анализом воздействия экономического интереса на экономическое поведение, он рассматривает случаи, когда экономическое поведение явилось следствием психологических особенностей мышления индивида либо особых привычек,

сыгравших обязывающую роль. Не занимаясь специальными психологическими исследованиями, А. Смит предвосхитил некоторые положения современной экономической психологии, в частности так называемый «эффект Ирвина», связанный с переоценкой вероятности желательного события и недооценкой вероятности нежелательного, а также склонность людей скорее приписывать успехи своим достоинствам, а неудачи – неблагоприятным внешним обстоятельствам. Тем самым А. Смит выявил значимые предпосылки формирования «аффективного» (в терминологии М. Вебера) типа индивидуального экономического поведения. «Каждый более или менее переоценивает шансы удачи, а шансы неудачи большинством людей недооцениваются, и вряд ли найдется такой человек, мало-мальски здоровый и бодро настроенный, который бы преувеличивал бы их...» [2, с. 171–172].

Концепция А. Смита содержит в латентном виде также идею влияния социальных стереотипов и экономической культуры на экономическое поведение индивида, которые обуславливают, в терминологии М. Вебера, «традиционность» этого поведения в ущерб его рациональности. «Высокий уровень арендной платы за целый дом в Лондоне обусловлен не только теми причинами, которые влияют в том же направлении во всех крупных столицах: дороговизной труда, дороговизной всех строительных материалов, которые по общему правилу приходится подвозить издалека, и сверх того, высокою земельною рентою... он обусловлен отчасти особыми привычками населения, *обязывающими* (выделено мной. – Авт.) каждого главу семейства снимать целый дом от подвала до чердака... Лондонский купец *вынужден* (выделено мной. – Авт.) снимать целый дом в той части города, где живут его покупатели...» [2, с. 181].

Наблюдения А. Смита относительно влияния «особых привычек» на экономический выбор человека отчасти предвосхитили положения американского экономиста и социолога Торстейна Веблена, изложенные им в своей «Теории праздного класса» (1899 г.). Т. Веблен полагает, что история человеческой цивилизации – это история смены различных социальных институтов, понимаемых им как общепринятые образцы поведения и привычки мышления. «Продолжающееся развитие институтов человеческого общества и природы человека... можно в общих чертах свести к естественному отбору наиболее приспособленного образа мысли... Структура общества изменяется, развивается, приспосабливается к изменяющейся обстановке лишь вследствие перемены в образе мысли некоторых социальных групп, или в конечном счете по причине изменения, происходящего

в привычном образе мысли составляющих общность личностей. Эволюция общества является по существу процессом адаптации, происходящим под давлением обстоятельств в умах отдельных людей, уже больше не терпящих привычного образа мысли, сложившегося в прошлом при другом стечении обстоятельств...» [3, с. 200–202]. В рамках экономико-социологической концепции потребления, одним из создателей которой является Т. Веблен, он рассматривает потребляемые индивидов вещи как символы или показатели статуса потребителя. В условиях массового производства товаров, не принадлежащих к числу необходимых, потребление индивида связано уже не столько с жизненной потребностью, сколько с соображениями поддержания либо повышения своего статуса в глазах лично значимых представителей социального окружения. «Группа складывается из индивидов, а жизнь группы – это жизнь индивидов, осуществляемая, по крайней мере внешне, каждым в отдельности. Принятый в группе образ жизни – это единодушные взгляды, которых придерживается основная масса индивидов, в отношении того, что такое хорошо, правильно, надлежаще и красиво в образе жизни людей» [3, с. 204]. Таким образом, социальный институт как распространенный среди представителей определенной социальной группы образ мыслей, обуславливает выбор членами этой группы соответствующих моделей экономического (в том числе – потребительского) поведения.

Дальнейший анализ предпосылок индивидуального экономического поведения связан с проникновением в «Историю духовного развития современного экономического человека» (1913 г.) немецкого экономического социолога В. Зомбарта. «Стержневым» в концепции В. Зомбарта выступает понятие *хозяйственного духа*, под которым он понимает «совокупность душевных свойств и функций, сопровождающих хозяйствование. Это все проявления интеллекта, все черты характера, открывающиеся в хозяйственных стремлениях, но это также и все задачи, все суждения о ценности, которыми определяется и *управляется* (выделено мной. – *Авт.*) поведение хозяйствующего человека» [4, с. 6–7]. Изложенное определение позволяет сделать два промежуточных вывода: 1) непосредственным (конечным) носителем хозяйственного духа выступает индивид; 2) хозяйственный дух наделяется способностью управлять экономическим поведением индивида.

Один из центральных вопросов, который ставит В. Зомбарт в своей работе – «всегда ли и везде один и тот же дух господствует в хозяйственной жизни, или точнее, *в хозяйственном человеке* (выделено мной. – *Авт.*), или же можно разли-

чать виды этого духа, смотря по личностям, профессиям, странам, эпохам или еще как-нибудь» [4, с. 7]. И однозначно отвечает на этот вопрос: «Первоначальная предпосылка правильного понимания хозяйственных явлений заключается в сознании того, что дух в хозяйственной жизни... может быть глубоко различным; это значит... что требуемые для предпринимательства хозяйственных действий душевные качества так же отличаются в отдельных случаях, как и руководящие идеи и принципы, которыми определяется хозяйственная деятельность» [4, с. 8].

Для раскрытия заявленных В. Зомбартом регулятивных возможностей хозяйственного духа относительно экономического поведения индивида необходимо прояснить структуру компонентов данного феномена и их функциональную нагрузку. *Во-первых*, это «проявления интеллекта», т. е. рациональный компонент духа, обеспечивающий, в частности, «специфические калькуляционные мероприятия или определенные принципы бухгалтерии» [4, с. 7]. *Во-вторых*, определенные нормы хозяйствования, которые В. Зомбарт включает, наряду с другими компонентами, в понятие духа. *В-третьих*, «все суждения о ценности» [4, с. 7], т. е. устойчивые, зафиксированные представления человека об окружающей действительности. И, наконец, *в-четвертых*, это «все черты характера, открывающиеся в хозяйственных стремлениях» [4, с. 7]. В. Зомбарт подчеркивает, что употребляет «хозяйственный дух» «в том простом смысле, согласно которому оно обозначает все вообще психическое, т. е. в этом смысле духовное, проявляющееся в области хозяйственной жизни... Ибо хозяйственная деятельность только тогда имеется налицо, когда человеческий дух приобщается к материальному миру и воздействует на него. Всякое производство, всякий транспорт есть обработка природы, и во всякой работе, понятно, кроется душа» [4, с. 6].

Представленная в рамках концепции В. Зомбарта структура компонентов хозяйственного духа выступает основанием для теоретической типологии индивидуального экономического поведения в зависимости от преобладания того или иного компонента. Возможности построения эмпирической типологии зависят «от большего или меньшего приближения отдельных черт хозяйственного духа в конкретном индивидууме к их идеальному совершенству, а с другой – от большего или меньшего накопления в нем отдельных черт, принадлежащих к единому определенному духу. Таким образом: экономический рационализм может проявляться и может не проявляться более или менее законченно в хозяйствующем субъекте, он может соединяться

и не соединяться в нем с более или менее сильно развитым стремлением к наживе, при этом может быть опять-таки строгое или снисходительное понятие о коммерческой солидности и т. д.» [4, с. 10].

В результате – к основным объективным условиям формирования и реализации конкретных типов экономического поведения относятся: положение индивида в структуре общественного разделения труда и системе распределения благ, объем располагаемых ресурсов, специфика формы занятости; субъективные предпосылки экономического поведения связаны с влиянием экономических интересов индивида, его экономической культурой, социальными стереотипами, а также – эмоционально-психологическими особенностями данного индивида. Усиление в данный конкретный момент времени какой-либо из субъективных предпосылок обуславливает склонность индивида к реализации соответствующего типа экономического поведения. Доминирование экономического интереса определяет формирование *целерационального* (в терминологии М. Вебера) типа экономического поведения; влияние экономической культуры детерминирует *ценностно-рациональный* тип поведения; воздействие социальных стереотипов приводит к выработке *традиционного* типа

экономического поведения; возобладание эмоций предопределяет *аффективный* тип экономического поведения индивида. Таким образом, теории социального действия М. Вебера, механизма общественной координации А. Смита, потребительского поведения Т. Веблена и хозяйственного духа В. Зомбарта выступают классическими методологическими основаниями анализа феномена экономического поведения индивида, который является продуктом «преломления» субъективных предпосылок экономического выбора, обусловленных «психическими» или «духовными» (в терминологии В. Зомбарта) особенностями индивидуального хозяйствующего субъекта через «призму» объективных условий хозяйственной деятельности.

Список цитированных источников

1. Вебер, М. Основные социологические понятия / М. Вебер // Избранные произведения / М. Вебер. – М., 1990.
2. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит // Антология экономической классики: в 2 т. – М., 1993. – Т. 1.
3. Веблен, Т. Теория праздного класса / Т. Веблен. – М., 1984.
4. Зомбарт, В. Буржуа: этюды по истории духовного развития современного экономического человека / В. Зомбарт. – М., 1994.

Дата поступления статьи в редакцию: 18.09.2008 г.